

Юрий Левитанский

Каждый выбирает по себе

Юрий Левитанский

Каждый выбирает по себе

Москва

Издательство АСТ

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л36

Составитель – И. Машковская
В оформлении использовано фото В. Плотникова

Л36 Левитанский, Юрий Давидович.
Каждый выбирает по себе / Юрий Левитанский. –
Москва : Издательство АСТ, 2019. – 256 с. – (Вечная
поэзия).

ISBN 978-5-17-109374-7

В сборник "Каждый выбирает по себе" Юрия Левитанского, одного из самых значительных русских поэтов второй половины XX века, вошли наиболее известные его произведения, посвященные двум главным темам: любви и творчеству. Читатель может проследить интереснейшее развитие поэтического дара от более ранних, послевоенных стихов до самых последних, написанных незадолго до конца жизни.

УДК 821.161.1-1
84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-109374-7

(ООО «Издательство АСТ»)

©Ю.Д. Левитанский, наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОТКУДА ВЫ ПРИХОДИТЕ,
СЛОВА...

***

Откуда вы приходите, слова,
исполненные доброго доверья?
По-моему, оттуда, где трава.
По-моему, оттуда, где деревья.
Нам переходы света и теней
за древними лесными деревьями
покажутся резными теремами,
возникшими из света и теней.
А дальше будет глуше и темней,
и тропка лисья станет неприметной.
Она и вправду стала неприметной,
а все-таки давай пойдём по ней,
пойдём на ощупь,
ветки раздвигая.
Эге-ге-гей! Ну где же вы, слова?
«Слова, слова!..» —
вздыхают робко листья,
и тропка поворачивает лисья
туда, где в листьях прячется сова.
А может, так же прячутся слова
за пнями
и замшелыми камнями?
Слова — они, наверное, корнями,
как деревья,
уходят в глубину.

И тропка нас уводит в старину,
туда, где бродит пращур волосатый
по травам, не имеющим названья,
где снег летит, не названный еще,
поет еще не названная птица
и звезды,
у которых нет названья,
в дремучих отражаются очах.
И пращура охватывает трепет,
едва доходит до его сознания,
какая тяжесть на его плечах.
В нем глухо пробуждается художник,
и, сладкие испытывая муки,
он ждет вас, нерожденные слова.
Он что-то удивительное лепит,
мешая краски, запахи и звуки.
Сначала это только смутный лепет,
и вдруг он превращается в слова.
Тогда травой становится трава,
а этот сумрак зыблющийся — лесом,
а этот холод падающий — снегом,
а это чудо маленькое — птицей.
И я беру из рук его слова.
Они еще звенят, как тетива
и как стрела,
что пущена из лука.
Они из цвета, запаха и звука.

На них еще не высохла роса.
В них травы отразились и деревья.
И у меня кружится голова,
пока я их несу тебе —
слова,
исполненные доброго доверья.

***

Древнее,
                неразгаданное пространство
смотрит на землю
                холодно и бесстрастно.
В темных глубинах
                маленькой светлой точкой
спутник сейчас проходит
                орбитой точной.
Чтоб заглянуть
                в безвестные те высоты,
ни к чему ни двадцатый этаж,
                ни сотый.
Лучик зеленый,
                парящий в туманных сферах,
виден отчетливо
                в этих осенних скверах,
где под грибком раскрашенным
                из фанеры
утром играют в шашки
                пенсионеры,

где возле булочной
пахнет горячей сдобой —
здесь, на земле этой будничной,
строгой и доброй.
А помню еще —
за звездным полетом
я наблюдал и в поле однажды
летом.
И был он так ясен
в поле
под черным небом,
в поле,
где сладко пахло
печеным хлебом,
где и доселе
темные эти дали
всё еще что-то помнили
о Дедале,
смутное что-то, темное
об Икаре,
что-то о божьем гневе,
о божьей каре.
Там, над обрывом,
тополи шелестели,
словно бы крылья
в небо взлететь хотели,
словно бы крылья
в небо взлететь пытались,

путались,
                                расплетались,
                                                переплетались,
и за ночным овином,
                                за старой ригой,
где-то за дальним лугом,
                                над темным логом,
все раздавалось —
                                прыгай, Иване, прыгай! —
все шелестело —
                                с богом, Иване, с богом!

ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ НУЖНО

Что вы с собой делаете?
                                Что вы себе думаете?
Ничего не делаете.
                                Ни о чем не думаете.
Пусто засыпаете.
                                Пусто просыпаетесь.
Да и то лишь кажется,
                                будто просыпаетесь.
В накуренном зеркале —
                                ваши руки дремлющие,

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Медленно стихающий прибой.
Что такое старость? Поединок.
С берегами. С временем. С судьбой.

Днища рассыхаются у лодок.
Черный борт ракушками оброс.
Призрачность улова. Сеть уловов.
Кто кого? Неведомо. Вопрос.

Как в корриде, перед мордой бычьей.
Та же несущественность улик.
Быть с добычей — или стать добычей.
Только это. Выбор невелик.

Только это. Прочее — подробности.
Этим и подробности полны.
Ощущенье краткости и дробности.
Напряженной сжатости волны.

Только волны. Волны, за которыми
набегают волны, в свой черед.
Это все подчеркнуто повторами.
Взад-вперед. И снова — взад-вперед.

Белый — синий. Белый цвет и синий.
Дни и годы. Годы и века.
Та же повторяемость усилий.
То же повторение рывка.

Поплавок неверен и обманчив.
По воде расходятся круги.
И тогда на свет выходит мальчик.
Он глядит на свет из-под руки.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Слабенькая детская рука.
Вьется леска. Длится поединок.
Лишь вода — темна и глубока.

ОГОНЬ

Печной огонь.
Ночной огонь на Трубной.
Ручной,
и неопасный потому.
А он живет
своею жизнью трудной,
и незачем завидовать ему.
Не то что в керогазах —
в паровозах
не смеет он считать себя огнем.
Он всем необходим.
Но в малых дозах.
Чтоб суп варить.
Чтоб руки греть на нем.

А у него
огромные размеры,
и, полумеры
люто не терпя,
он иногда
теряет чувство меры,
стремясь полнее выразить себя.
Его солдаты яры
и поджары.
Едва дозоры
скроются на миг —
он тут как тут.
Тогда гудят пожары.
И разговор ведется напрямик.
Одна вода,
вода его тревожит.
Она одна грозит ему бедой.
Он все урегулировать не может
взаимоотношения с водой.
Тут он молчит.
Он вынужден смиряться.
Урчит печурка.
Тлеет головня.
И все-таки воздержимся
смеяться
над видимой покорностью огня.